ПОЗИЦИЯ

Безопасность – через развитие

Окончание. Начало на стр. 1

В этой ситуации единственно позитивной является позиция России в лице Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков и ОДКБ, которые предложили не гоняться за бандитами по всему миру, а основной акцент сделать на ликвидации планетарных центров производства наркотиков. Их два: Афганистан, где производится 90 процентов всего героина и до 70 процентов всего гашиша, и Южная Америка, где производится 100 процентов мирового кокаина. Причем ударить по этим центрам не только силовыми средствами, но форсированной индустриализацией и амбициозным развитием и социально-экономическим подъемом этих территорий. Ведь центры наркопроизводства существуют, потому что у тех, кто живет на этой раскуроченной территории, нет другого источника дохода.

На мой взгляд, сегодня повестку борьбы с наркотиками формирует именно ОДКБ, выдвинув лозунг: безопасность через развитие. ОДКБ, осознав приоритетность антинаркотической дипломатии, уже стала глобальным лидером в борьбе против наркотиков. На ликвидацию планетарного центра наркопроизводства в Афганистане и одновременно организацию его ускоренного подъема должны быть направлены усилия всех государств, входящих в ОДКБ, и мирового сообщества – это задача всего человечества. Но если Россия и страны ОДКБ не разработают план индустриализации, мировое сообщество не консолидируется, несмотря на крайнюю заинтересованность Европы и Японии. Япония, кстати, один из ведущих доноров развития Афганистана, а в стратегии Евросоюза по Афганистану 2009 года четко сказано, что надо организовывать специальный офис по борьбе с наркотиками в Афганистане и ликвидировать афганское наркопроизводство. Потому что его главной жертвой после Афганистана является именно Евросоюз. Необходимо также вовлечь и руководство Афганистана, который сам стал главной жертвой собственного наркопроизводства. Героиновая эпидемия охватила уже не менее 5-6 процентов населения Афганистана. По результатам исследования ученых университета Флориды, в крови и волосах случайно отобранных афганских младенцев повсеместно содержится героин. Он убивает будущее Афганистана. Неудивительно, что в мероприятиях ОДКБ и ФСКН он активно участвует и там рассчитывает новая генерация управленцев, полностью поддерживающих эту идею.

> Сегодня повестку борьбы с наркотиками формирует именно ОДКБ, выдвинув лозунг: безопасность через развитие

В 2011 году президенты ОДКБ подписали специальное заявление и обращение в Совет Безопасности ООН, в которых содержится требование признать проблему афганского наркопроизводства угрозой международному миру и безопасности. Это очень важный юридический термин, за которым могут последовать жесткие меры. Президенты государств – членов ОДКБ предложили конкретные пути решения афганской проблемы. Если сконцентрироваться и четко сформулировать задачу – безопасность через развитие, в ближайшие 7-10 лет афганскую проблему мы можем решить, как это ни кажется парадоксальным.

В связи с этим у ОДКБ, на мой взгляд, блестящие перспективы, нужно лишь смелее использовать новые подходы к безопасности, где безопасность не сводится, как обычно, к военным вопросам, а является многомерной, включая и вопросы стабилизирующей экономики. Поэтому сегодня для обеспечения антинаркотической безопасности наших государств от ОДКБ нужен, как это ни парадоксально, конкретный план индустриализации Афганистана. Здесь сейчас начинает вырабатываться принципиально новая формула: «Безопасность через развитие», и это прорыв в проблемах безопасности.

Россия и ее союзники – первые, кто заинтересован в индустриализации, но без решения кадровой проблемы ее не проведешь. Кадры надо готовить и для решения своих проблем, и для решения проблем Афганистана. Создавать сеть профессионально-технических училищ. Современная формула индустриализации – это электрификация плюс сеть профессиональных училищ, потому что без высококвалифицированной рабочей силы подъем экономики невозможен. Таким образом, создание кадровой системы индустриализации – это, в конечном счете, вопрос коллективной безопасности.

КСТАТИ

Россияне о наркотической зависимости

Независимый институт изучения общественного мнения «Левада-центр» в конце июня текущего года провел опрос по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 134 населенных пунктах 46 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%

Как бы вы отнеслись к предложению ввести уголовное преследование за употребление наркотиков (предполагающее принудительное лечение наркоманов)?

	июль 2012 г.	май 2013 г.	июнь 2014 г.
Положительно	68	75	62
Нейтрально	18	13	21
Отрицательно	9	7	12
Затрудняюсь ответить	5	5	5

Есть ли среди ваших родных и близких знакомых люди, которые принимают или принимали наркотики без медицинских показателей?

	июнь 2006 г.	июнь 2009 г.	май 2011 г.	май 2013 г.	июнь 2014 г.
Да	23	18	16	15	13
Нет	75	79	80	83	85
Отказ от ответа	2	3	4	2	2

Как бы вы отнеслись к предложению разрешить употребление «легких» наркотиков (марихуаны и т.п.)?

	май 2011 г.	июль 2012 г.	май 2013 г.	июнь 2014 г.
Положительно	11	8	8	14
Нейтрально	10	9	11	12
Отрицательно	77	81	79	70
Затрудняюсь ответить	3	3	3	4

ЕВРАЗИЯ

Тест-драйв для Евразийского союза

В редакции газеты «Союзное вече» состоялась встреча журналистского коллектива с известным историком и политологом, доцентом кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета Сергеем МАРКЕДОНОВЫМ.

Гость «СВ» довольно часто принимает участие во всевозможных международных встречах и научных форумах, читает лекции в зарубежных университетах, а потому нам показалось интересным познакомиться с его видением и пониманием процессов евразийской интеграции и отношением к ним со стороны мирового сообщества.

– Сергей Мирославович, сначала хотелось бы попытаться определить то историческое время, в котором сегодня находится Россия и мир. С какой даты, на ваш взгляд, ведется отсчет нового геополитического времени? С 1991 года, как принято считать, или с 2000-го, когда Россия начала восстанавливать свои позиции во внешнем мире? Каков расклад сил сегодня и какое место в мировом рейтинге влияния занимает современная Россия?

– Любой миропорядок трудно зафиксировать с какой-то определенной точки. Если говорить о том, как охарактеризовать сегодняшний миропорядок, то его можно охарактеризовать как крах, как распад ялтинско-потсдамской системы. Очевидно, что эта система, созданная в 1945 году, по завершении Второй мировой войны, начала разрушаться раньше 1991 года. Можно здесь вспомнить, к месту, я думаю, Карла Маркса, который говорил, что любая старая социально-экономическая система беременна новыми явлениями, которые ее подтачивают и разрушают. Если говорить о ялтинско-потсдамской системе, то основой ее был биполярный мир, который создавался после Второй мировой войны державами-соперниками. Никогда еще союзники не превращались так быстро в соперников, притом соперников радикальных. И биполярная система с холодной войной была стержнем этой ялтинско-потсдамской системы. Это была система сдержек и противовесов в Европе в первую очередь. И она описывала главным образом европейские реалии. Если вы посмотрите на динамику холодной войны, то увидите, что искрило, как правило, в тех регионах мира, которые не вписывались в эту систему: Ближний Восток, Юго-Восточная Азия, Афганистан и пр. То есть в тех образованиях, которые были либо колониями европейских стран, либо полузависимыми государствами. В конце концов количество перешло в качество. С какого времени можно говорить о распаде ялтинско-потсдамской системы? Наверное, с 89-го года, когда произошла волновая смена власти в странах Центральной и Восточной Европы, бывших странах варшавского блока. Затем 91-й год – распад СССР, одного из столпов и полюсов биполярного мира, распад Югославии как одного из инициаторов движения неприсоединившихся стран, некоего третьего полюса, который искали в биполярной системе. С этого времени мы можем говорить о формировании нового миропорядка. Какой он, пока точно не известно. Но он формируется. В начале 90-х было некое представление, что с распадом биполярной системы определяющую роль будут играть США. Но оказалось, что у США нет достаточных ресурсов, чтобы одинаково эффективно контролировать ситуацию и, самое главное, брать ответственность за различные регионы мира. С такой глобальной ответственностью одной державе трудно справиться. Какое место России? Оно довольно сложное. Россия – это страна в поиске своей идентичности. Мы видим, насколько даже внутри страны у нас сильны различия в подходах к тому, что такое советский период, что такое имперский период, что такое период постсоветский. То же самое касается и ситуации на внешней арене. Сейчас идет крайне сложная переоценка нашей геополитической роли: какую роль должна играть Россия в мире или в ближнем зарубежье? Как выстраивать отношения с ведущими центрами силы – США, Китаем? Или с новыми поднимающимися центрами, такими как Индия. Поэтому я бы сказал так: страна находится в некоем поиске и уточнении позиций. А вот в чем очевидная разница, на мой взгляд, между СССР и Россией. Россия в отличие от СССР не заявляет о строительстве коммунизма. Россия в отличие от СССР не высказывает каких-то глобальных амбиций. Если мы посмотрим на интересы России, главным образом они сосредоточены в постсоветском пространстве. Это жизненно важные интересы России. Это не интересы какой-то имперскости, какие-то надуманные интересы, как пытаются часто говорить отдельные эксперты: Россия будто бы пытается восстановить свое влияние на постсоветском пространстве, потому что это тоска по истории. Вы знаете, 7000 км сухопутной границы с Казахстаном – это не тоска по истории, это реальность сегодняшняя. Это не реальность времен Екатерины II, Петра I, это сегодняшняя реальность. Эта сухопутная граница больше, чем американо-мексиканская. Важно это, к примеру, в контексте Афганистана, в контексте переформатирования американского присутствия или не важно? Важно. Или возьмем ситуацию с Беларусью. Важна ее роль в обеспечении безопасности России, в создании и развитии системы ПВО? Или огромная кооперация в военно-промышленном комплексе. Уникальные конструкторские бюро, которые там остались. Это нужно или не нужно России? Нужно. Что касается глобальных интересов, Россия здесь некоторые подходы обозначает. Это уважение в первую очередь суверенитета. Это отказ от вмешательства под разными, в том числе и морализаторскими, предлогами. Сегодня есть некоторые концептуальные попытки говорить о России как о такой альтернативной Европе – не «антиевропе», а «альтереврропе». Делается такая идеологическая заявка на участие России в формировании нового порядка. Я думаю, что Россия хотела бы, чтобы это был порядок с определенными правилами. Чтобы не кто-то в угоду каким-то пиар-резонам принимал серьезные и сложнейшие решения на годы вперед, а чтобы это был некий концерт держав, знакомый еще с XIX века.

> Система, созданная в 1945 году, по завершении Второй мировой войны, начала разрушаться раньше 1991 года

И во взаимодействии с ведущими игроками Россия хотела бы обсуждать вопросы безопасности с ЕС и США или Китаем, Индией, Японией (если речь об Азиатско-Тихоокеанском регионе). Наверное, для каждого региона должен создаваться свой концерт. Но в любом случае это не должно быть односторонним действием страны, которая претендует на роль державы номер один.

– Насколько, в связи со сказанным, актуален Евразийский союз и каковы причины его возникновения?

– Это интересный вопрос. Мне кажется, что многие не понимают его причины, его движущие силы. Евразийский союз предопределен был развитием различных интеграционных проектов после распада СССР. Борис Ельцин или первый украинский президент Леонид Кравчук говорили об СНГ как об инструменте для развода. Но ведь мы понимаем, что на разводе новую семью не построишь. Это аксиома. Развод может быть цивилизованным, нецивилизованным, но это то, что имеет отношение к вчерашнему дню, к прошлому. Другие интеграционные проекты касались лишь каких-то отдельных сегментов взаимодействия. ОДКБ, например – сегмент безопасности. А потому трудно от ОДКБ ждать каких-то экономических проектов, цели другие. ЕврАзЭС, ЕЭП – это были первые попытки выстроить экономическую интеграцию. Но что касается Евразийского союза, на мой взгляд, главное его отличие от предыдущих опытов – это попытка выстроить прочные интеграционные связи не на основе прошлого, а на основе будущего. Чтобы структура была эффективной. СНГ не может похвастать особой эффективностью. Достаточно вспомнить об Армении и Азербайджане, которые находятся практически в состоянии конфликта из-за спорного Карабаха, об Украине, не ратифицирующей договор об СНГ, хотя она одна из учредителей, но тоже имеющая проблемные отношения с Россией; или Молдова, имеющая вопросы по Приднестровью. Задача России – создать более компактную структуру, такой «мини-СНГ», где соберутся действительно люди с общими целями и задачами, которые не будут тратить время на споры, на обращение к истории, на борьбу каких-то символов из прошлого, а будут работать эффективно, прагматично по тем или иным направлениям. Я думаю, что в этом основная суть и идея востребованности евразийской интеграции.

– Формат ЕАЭС сегодня трактуется очень широко. Потенциальными его участниками называют Индию, Китай, Израиль и даже некоторые страны Латинской Америки. В таком широком толковании проявляется слабость и размытость этой геополитической конструкции? Или наоборот – большие геополитические возможности?

– Я бы сказал так: всегда недостатки являются продолжением наших достоинств. Если мы посмотрим на любой интеграционный союз, то всегда есть подобное противоречие. Как пройти между этой Сциллой и Харибдой, с одной стороны, сохранить компактность, общность интересов, эффективность, а с другой – возможность расширяться, не отталкивать тех, кто потенциально хотел бы с тобой кооперироваться. Мне кажется, что в будущем в ЕАЭС будет преобладать идея все-таки эффективности, а не расширения как самоцели. Если мы выберем второе, то тогда наше интеграционное образование может ждать судьба НАТО или ЕС. Расширялись, расширялись, а теперь спорят о том, кто «равнее среди равных». И это, конечно, будет создавать определенные проблемы. Правильнее реализовывать ЕАЭС как проект функциональный, узкий и прагматичный, в то же время понимая идею ЕАЭС как широкую и перспективную. И даже если мы будем говорить в широком смысле о ЕАЭС, необязательно каким-то странам вступать и непосредственно фиксировать свое участие. Достаточно, может быть, формировать какие-то кооперационные связи на будущее. Поэтому, мне кажется, на сегодняшнем этапе строительства более точно определиться с широким и узким смыслом интеграции.

– Пока страны – участницы ЕАЭС, в том числе потенциальные – Армения и Киргизия, декларируют готовность к экономическому измерению интеграции, не возражая против культурного. А как вам кажется, готовы ли они будут продвинуться к другим уровням интеграции: парламентскому, социальному, военному?

– Военно-политическое сотрудничество уже существует, если говорить о России и Беларуси или России и Армении. Для Армении вообще в этом союзе очень важен элемент безопасности. И когда в Армении обсуждали вопрос о подписании соглашения об ассоциации с Евросоюзом, многие эксперты в Ереване говорили, что ЕС не дает тех гарантий безопасности, которые уже есть здесь и сейчас с российской стороны. И это важно. Безусловно, Россия как страна, имеющая серьезные взаимоотношения с Турцией, – это тоже важный элемент в контексте российско-армянских отношений и кавказской геополитики в целом. Поэтому кое-какие подходы к более продвинутым уровням интеграции уже реализуются. И не надо этот процесс откладывать – это реалии сегодняшнего дня. Что касается каких-то политических продвижений, опять же это не вопрос самоцели. Если будут наработаны определенные предпосылки, если это будет естественным путем развиваться, это будет хорошо. Если обстоятельства заставят больше акцентироваться на экономике, значит в этом предназначение союза. Пока вы не протестируете это в реальном режиме, как водители говорят, пока тест-драйв не пройдете – сложно сказать, что это за автомобиль. Вроде бы красиво выглядит, но неизвестно, как он в реальности работает. Поэтому все возможности и достоинства ЕАЭС будут продемонстрированы только практикой.

Беседовали Андрей ПОПОВ, Даниил ИЛЬИН

Россияне одобряют

70% опрошенных россиян одобряют создание Евразийского союза. В качестве его возможной столицы среди российских городов чаще всего называют Екатеринбург (34%), среди зарубежных – Астану (16%).

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет данные о том, как россияне относятся к созданию Евразийского экономического союза Россией, Казахстаном и Беларусью, каким бы хотели видеть это объединение, какой город мог бы стать его столицей, а также – какие еще государства СНГ следует в него пригласить.

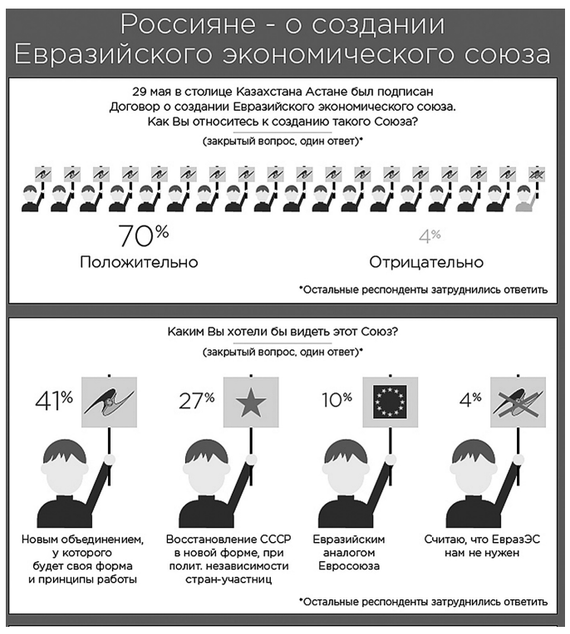
Евразийский экономический союз (ЕАЭС) пользуется поддержкой большинства россиян: к созданию ЕАЭС Россией, Казахстаном и Беларусью положительно относятся 70% наших сограждан. Договор о его создании был подписан 29 мая с.г. в Астане президентами трех стран. Согласно данному документу, ЕАЭС должен быть запущен с 1 января 2015 года. Идея Евразийского экономического союза впервые была озвучена 20 лет назад Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым. В настоящее время лишь 4% опрошенных негативно высказываются о создании данного объединения. А четверть россиян (25%) затруднились определить свое отношение к ЕАЭС.

> **45%** опрошенных хотели бы видеть Армению в числе членов ЕАЭС

Евразийский союз 41% россиян хотели бы видеть совершенно новым объединением, у которого будет своя форма и принципы работы. Этой позиции чаще придерживаются высокообразованные респонденты (46%), нежели опрошенные с начальным образованием (19%). Каждый четвертый (27%) высказался за то, чтобы этот союз стал новой формой СССР, при политической независимости стран-участниц. Еще 10% полагают, что ЕАЭС будет евразийским аналогом Евросоюза (ЕС).

В качестве возможной столицы Евразийского союза каждый третий россиянин предлагает выбрать Екатеринбург (34%). За Москву выступают 22% респондентов, причем жители сел – чаще (26%), чем москвичи и петербуржцы (17%). Столицу Казахстана Астану поддерживают 16% респондентов. Только 5% участников опроса видят в этом качестве столицу Беларуси – Минск, еще 4% – предлагают другой город.

Среди стран, которые хотели бы видеть членами Евразийского союза (помимо России, Казахстана и Беларуси), наши сограждане чаще всего называли Армению (45%) – руководство этой страны уже заявило о намерении в самое ближайшее время присоединиться к ЕАЭС. Азербайджан, Киргизию и Молдову ждет в Союзе каждый пятый (23, 20 и 20% соответственно). За приглашение в ЕАЭС Узбекистана выступают 17% участников опроса, Таджикистана и Грузии – по 14%. Реже всего респонденты высказывались за то, чтобы привлечь в Евразийский союз Украину (10%). А 13% опрошенных полагают, что ЕАЭС пока не следует расширять.



ИНФОГРАФИКА/ВЦИОМ